

УДК [94+322](470.44)|1920–1940|

Антирелигиозная кампания в Саратовском Поволжье: на примере борьбы с православием (конец 1920 – начало 1940-х годов)

Ж. В. Яковлева

Яковлева Жанна Владимировна, кандидат исторических наук, ведущий архивист отдела комплектования ведомственных архивов и делопроизводства государственного архива Саратовской области, zhanna-yakovleva2015@yandex.ru

В статье на основе архивных материалов рассматривается антирелигиозная кампания в отношении РПЦ и православных на территории Саратовского Поволжья в конце 1920 – начале 1940-х гг., которая осуществлялась в виде репрессий против служителей культов и верующих, изъятия храмов и молитвенных домов, антирелигиозной агитации и пропаганды и других антирелигиозных мероприятий. С конца 1920-х гг. государство вело себя в отношении всех религиозных конфессий одинаково враждебно, не делая исключения ни для каких церквей, деноминаций и сект. Православие как самая распространенная и многочисленная религия в Саратовском Поволжье пострадало от советской власти больше всех. Антирелигиозная кампания имела две составляющие: организационно-административную и агитационно-пропагандистскую. В данной статье исследуются административные меры власти по борьбе с религией и религиозными объединениями.

Ключевые слова: Саратовское Поволжье, антирелигиозная кампания, православие, религия, советская власть, 1920-е гг., 1940-е гг.

Anti-religious Campaign in the Saratov Volga Region: on the Example of the Fight Against Orthodoxy (the End of the 1920s – the Beginning of the 1940s)

Zh. V. Yakovleva

Zhanna V. Yakovleva, <https://orcid.org/0000-0001-5054-803X>, State Archive of the Saratov Region, 15 Kut'yakova St., Saratov 410012, Russia, zhanna-yakovleva2015@yandex.ru

The author of the article, based on archival materials, examines the anti-religious campaign against the Russian Orthodox Church and the Orthodox on the territory of the Saratov Volga region in the late 1920s – early 1940s. The anti-religious campaign was carried out in the form of repressions against worshipers and believers, the seizure of temples and houses of worship, anti-religious agitation and propaganda, and other anti-religious events. Since the late 1920s, the state has behaved in the same way towards all religious denominations, making no exceptions for any churches, denominations, and sects. Orthodoxy, being the most widespread and numerous religion in the Saratov Volga region, suffered due to this circumstance from the Soviet government most severely. The anti-religious campaign had two components: organizational-administrative and propaganda. This article examines the administrative measures of the government to combat religion and religious associations.

Keywords: Saratov Volga, anti-religious campaign, Orthodoxy religion, Soviet authority, 1920s, 1940s.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-119-127>

Антирелигиозная кампания, проводившаяся в Саратовском Поволжье с конца 1920-х и в течение 1930-х гг., являлась составной частью общего агрессивного наступления на религию и церковь в СССР в период «строительства и укрепления социализма», призванного идеологически закрепить формирование нового государственного и общественного строя.

К концу 1920-х гг. с установлением единоличной власти И. В. Сталина в руководстве страны победило решение отказаться от нэпа и начать «революцию сверху», принудительно насаждая в государстве индустриальный социализм, что фактически являлось форсированной модернизацией страны. Такая политика неминуемо вела к крутой ломке всех традиционных устоев жизни населения, включая и религиозную. Религия выступала главным идеологическим оппонентом атеистической коммунистической доктрины. В новом обществе места для нее не было предусмотрено.

Выход в свет Циркулярного письма ЦК ВКП (б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» (автор Л. М. Каганович)¹, Постановления «О религиозных объединениях»², создание постоянной комиссии по вопросам культов, переход к воинствующему безбожью после второго съезда безбожников – эти и другие события, ознаменовавшие 1929 г., стали фундаментом дальнейших трагических взаимоотношений двух непримиримых полюсов: государства и церкви.

Православие являлось самой распространенной религией в Саратовском Поволжье. Приверженцы РПЦ, старообрядчества и других православного происхождения деноминаций и секты составляли свыше 80% населения региона. В Саратовском Поволжье на 1928 г. функционировало 6 монастырей: в Саратове, Вольске, Хвалынске, Аткарске, Новоузенске, Балашове³. В одном только г. Саратове на 1912 г., по данным справочной книги Саратовской епархии, было 40 православных церквей⁴. По архивным сведениям, с 1918 г. по 1929 г. в городе была закрыта 21 православная церковь. Уже к 1 января 1932 г. было закрыто еще 10 церквей. Таким образом, к 1932 г. в г. Саратове функционировало только 9 православных церквей⁵. К 1939 г. осталась только одна, в 1941 г. их уже не было⁶.

Одной из форм борьбы с верующими стала регистрация религиозных объединений. Она осуществлялась НКВД. В соответствии со

ст. 65 Постановления от 8 апреля 1929 г. для юридического оформления все религиозные объединения должны были зарегистрироваться по месту нахождения в течение года. Однако административное управление краевого исполкома Нижневолжского края 31 июля 1929 г. отправляет всем начальникам окружных административных отделов и начальнику Саратовского городского административного отдела документ, в котором рекомендует воздержаться от регистрации религиозных объединений как существующих, так и вновь возникающих до распоряжения НКВД, в который уже сделан запрос о порядке и формах регистрации таких объединений⁷.

Постановлением НКВД РСФСР от 29 августа 1930 г. № 434 был установлен срок окончания регистрации религиозных объединений – 1 января 1931 г., о чем административное управление Нижневолжского крайисполкома сообщило начальникам районных и городских административных отделов лишь 12 ноября 1930 г. Незарегистрированные религиозные объединения в положенный срок считались «ликвидированными»⁸. Таким образом, чтобы избавиться от верующих можно было не включать репрессивную политику, а просто запустить в действие бюрократическую советскую систему. Позже тем, кто захочет зарегистрироваться, будут отказывать под любыми предлогами. Терпения на бюрократическую волокиту хватит не у всех, и значительная часть религиозных обществ будет считаться нелегальными, незаконными.

Церкви часто засыпались зерном без необходимости в этом только для того, чтобы «ликвидировать религию», однако верующие платили за эксплуатацию церкви независимо от того, что церковь не пользовались. Церкви возвращались в испорченном виде, культовое имущество ломалось и расхищалось⁹.

Закрытию церквей способствовало намеренно короткое время обжалования волонтеристского решения об ее закрытии – две недели. Не всегда получалось опротестовать решение о закрытии церкви во ВЦИКе в такой срок. Жалобы с просроченным временем даже не рассматривались. Так, например, произошло с жалобой коллектива верующих Казанско-Богородицкой церкви слободы Александров Гай Новоузенского района Пугачевского округа. Верующие написали жалобы в крайисполком и в комиссию по вопросам культов при ВЦИК, но не уложились в положенный срок, и церковь была закрыта¹⁰.

Похожий случай произошел и с православной церковью поселка Красный Кут в АССР немцев Поволжья (далее – АССР НП), которую отняли в 1936 г. Краснокутские верующие не подали вовремя заявление во ВЦИК. Секретарь ЦИКа АССР НП Шлегель сообщил во ВЦИК, что по причине опоздания церковь вернуть верующим уже нельзя. Из ВЦИКа ответили (отв. секр. ко-

миссии Агеев, инструктор-консультант Узков), что постановление ЦИКа АССР НП считать вошедшим в силу¹¹.

В числе административных методов использовалось закрытие церкви из-за ветхости и невыполнения ремонта, часто с формулировкой «грозит обвалом». Это был легкий путь, который не требовал повседневной работы в массах. Общество верующих заставляли делать непосильный ремонт, устанавливались нереальные сроки. Одновременно запрещали проводить сбор средств¹².

В Саратовском Поволжье фактически везде изъятие храмов и молельных домов проходило с грубым нарушением советского законодательства, царил дикий произвол местных представителей власти и вопиющие издевательства над верующими.

После 1917 г. церковные колокола стали объектом непрерывных нападков со стороны советской власти. Такие нападки происходили по идеологической, политической и экономической причинам. Во-первых, одним из первых декретов советской власти был запрещен набатный звон, чтобы исключить возможность призыва к антисоветским выступлениям; во-вторых, колокольный звон запрещали в местах расположения заводов и фабрик, чтобы дать возможность рабочему человеку отдохнуть от дел праведных. В качестве экономической причины изъятия колоколов называлась острая потребность государства в металле «для тракторов», а в определенные исторические отрезки и для обороны страны.

Вопрос об урегулировании колокольного звона был внесен П. Г. Смидовичем на Секретариат Президиума ВЦИК, который 15 декабря 1929 г. протоколом № 30 постановил: «В связи с новым распределением трудовых процессов, в рамках непрерывной недели <...> предоставить право регулирования колокольного звона при отпращивании культовых служб горсоветам и районным комитетам». Постановление местной власти – горсоветов, райисполкомов – можно было оспорить решениями окружных исполкомов, которые являлись окончательными¹³.

В 1929 г. Пасха выпадала на 5 мая, накануне и во время этого главного в году православного праздника так же, как и в последующие годы, шла интенсивная антирелигиозная кампания. Вот что можно прочитать в дневниках очевидцев того времени: «1-е января 1930 г. <...> Церковные праздники и воскресенья можно еще узнать по церковному звону, но, вероятно, и этому скоро придет конец. Ведется бешеная кампания за снятие всех колоколов и закрытие церквей. Везде, на улицах и в трамваях, расклеены лозунги: “Новый мир построим без попов и веры в бога”, “Дадим стране цветной металл – перельем колокола в машины”. <...> С колокольни Александро-Невского собора колокола уже сняли, при снятии убился один рабочий»¹⁴.

По воспоминаниям современников 20 апреля 1930 г. наступил первый день «немой Пасхи», которую жители г. Саратова впервые встречали без звона колоколов, так как он был уже запрещен. Это был будний день, все предприятия работали, однако праздник чувствовался, церкви были переполнены, несмотря на «антирелигиозные хулиганства молодежи». Утром поневоле все отправились на работу, но оделись по-праздничному¹⁵. До революции в Пасху на улицах Саратова стояли куличи, в 1922 г. куличи также еще выставлялись на улицу, но в 1930 г. их уже никто не пек и не выставлял, но не только из-за запрета власти или утраты религиозных традиций, а, прежде всего, из-за дефицита продовольствия, его дороговизны, огромных очередей за продуктами – «дома и кулич не из чего испечь»¹⁶.

2 декабря 1930 г. Саратовский городской совет постановил в связи с запрещением в городе колокольного звона снять все колокола со всех действующих церквей Саратова¹⁷. Аналогичные постановления принимались и районными советами. Кампания по снятию колоколов сопровождалась варварскими методами: при снятии происходила порча здания церкви, лестниц и колоколен, как, например, это произошло в с. Урусово Ртищевского района. При снятии колокола была сильно повреждена лестница, а, как известно, ремонт здания в любом случае падал на верующих, хотя они не были виноваты в его повреждении¹⁸.

Президиум Нижневолжского крайисполкома 29 декабря 1931 г. с представления Саратовского Горсовета постановил на основании добровольного желания самих верующих изъять колокола из церквей: Христорождественской, Митрофаньевской, Старо-Казанской, Спасо-преображенской, Покровской старообрядческой (ул. Кузнечная, 43), Римско-Католической и передать колокола в госфонд, за исключением одного колокола в 49 пудов Христорождественской церкви по просьбе верующих¹⁹.

Однако, как и в случае с закрытием церквей и молитвенных домов, в деле снятия колоколов не обошлось без фанатизма. Постоянная комиссия по вопросам культов 8 июня 1933 г. выпустила Циркуляр «По вопросу регулирования колокольного звона и снятия колоколов с тех молитвенных зданий, где колокольный звон прекращен», который гласил, что местные власти провели ряд мероприятий по урегулированию колокольного звона, но к единой практике не пришли и «кое-где был допущен ряд неправильностей и ошибок»²⁰.

В соответствии с этим циркуляром при учете колокольной бронзы необходимо было по согласованию с музейными органами в отдельный список вносить колокола особого тонального звучания и колокола весом менее 16 кг, так как они могут быть использованы для сигнализации

на предприятиях, в сельской местности и для пожарной сигнализации²¹.

Атеистический фанатизм 1930-х гг. присутствовал в любых мероприятиях: закрытие церквей, снятие колоколов, сбор металлолома, который проводился даже на кладбищах. «Разоружение кладбищ» было еще одной дерзкой выходкой со стороны власти.

Для реализации этой кампании в г. Саратове в 1929 г. Горсоветом были созданы Комиссии по «выявлению внутренних ресурсов». Кроме металлического лома собирался и «поделочный материал». В 1930 г. кладбищенские ограды, а также другие материалы – мрамор, памятники подлежали изъятию и были озвучены цифры по сбору металла – 2 тыс. т. Кампанию по сбору кладбищенского металла 1930 г. было решено начать с Воскресенского кладбища г. Саратова. 5 января 1931 г. также начался сбор утильсырья. На кладбищах снимали ограды, железные кресты²².

Истеричная обстановка, связанная с сбором металлолома, в разряд которого попадали колокола, металлические ограды и многое другое, сочеталась с полнейшей бесхозяйственностью, когда много никому не нужного металла просто валялось, иногда под открытым небом. Так, например, на территории завода им. Ленина в г. Саратове лежала большая гряда разного ненужного металла под открытым небом, в городе лежало много трамвайных рельсов неэксплуатируемых линий, во дворе ремонтно-паровозного завода валялся разный металл и чугун весом в несколько центнеров, а завод железных изделий сбрасывал лом в овраг и просто засыпал его практически целиком. На товарной станции во дворе складов № 20–22 валялся лом, о который народ просто спотыкался²³. Несмотря на такую ситуацию с металлоломом, снятие колоколов и разграбление кладбищ продолжались. Так, был снят и передан на нужды государства колокол кафедрального собора г. Вольска²⁴. Нередко снятые и скинутые с колоколен разбитые колокола валялись бесхозные, не оприходованные, как, например, в Тамалинском районе, где 2 сброшенных в 1934 г. с церкви и разбившихся при этом колокола в течение многих месяцев валялись на земле²⁵.

Обстановка «на антирелигиозном фронте» во многом, а нередко и в решающей мере зависела от личных качеств людей, которые возглавляли те или иные участки антирелигиозной работы и составляли «движущие силы» антирелигиозной кампании 1930-х гг.

«Верующие теперь неверующие» – красноречивая фраза председателя сельсовета Григорьева из с. Беляевка Турковского района стала по сути дела обоснованием произвола и беззакония представителей местной власти в борьбе с религией. В 1933 г. Григорьев ходил по домам и, грозя применением репрессивных мер, застав-

лял подписываться сельчан за закрытие церкви. Он лично приходил домой к председателю исполнительного органа религиозного общества Сергееву и, не застав последнего, грозил его жене: «Скажи своему хозяину, чтобы он бросил церковь, а иначе я Вас оберу до шебола, а его посажу в тюрьму»²⁶. Угрожал Григорьев и священнику. Оснований для закрытия церкви не было: материальных задолженностей не имелось, она считалась функционирующей.

Через некоторое время в село приехал новый священник и, зарегистрировавшись в Турковском райисполкоме, начал исполнять свои церковные обязанности. В это время «грозный» председатель сельского совета Григорьев на месте отсутствовал, когда же он вернулся, то был очень разозлен и разразился в церкви такой речью: «Марш отсюда. Иначе сейчас попа посажу! Церковь закрыта! Верующие теперь неверующие!» В результате назначенный священник «со страху убог и в церкви оставил свои собственные вещи, рясу и свой наперстный крест»²⁷.

Григорьев, как пишут верующие, задался целью закрыть храм, но верующие надеялись, что им помогут, что не председатели сельсоветов закрывают церкви, нет у них таких прав. Верующие так и не достигли своей цели – их церковь закрыли на заседании президиума Турковского райисполкома. Спустя несколько лет в 1937 г. про Беляевскую церковь напишут: «Коллектив распался около 6 лет назад. Взять церковь никто не хочет. Утварь церковная и колокола изъяты и реализованы Районным финансовым отделом. Здание деревянное, ветхое, крытое железом, необходимо его разобрать на строительные материалы под школу»²⁸.

Столь же показательна ситуация, описанная в жалобе, направленной во ВЦИК М. И. Калинину на председателя сельского совета И. Г. Цибизова от верующих русского села Миусс Гнаденфлюрского кантона АССР НП 15 октября 1936 г. Верующие просили председателя вернуть им церковь, а председатель «затопаёт ногами, покроет хорошим матом» и требует денег по долгам, они просят сделать церковный забор, а председатель – «не разрешаю, и убежит из сельсовета так с матом». Верующие обязывались уплачивать налог государству, но только «по закону, а не так, как вздумается местной власти», которая «не разрешает делать собрания и заборы». Местная власть проходила по дворам, собирая подписи за закрытие, тем, кто не давал согласие, грозили. Верующие просили разъяснить им – законно ли это: «Если это так законно, то дайте нам разъяснение, чтобы мы больше не беспокоили Вас, и мы чтобы не думали об этом, а если не законно, то просим выслать комиссию». В письме они также сообщили, что церковь плохо охраняется, растаскивается ограда, каленые кирпичи, растащили и ободрали жезь с ограды. Ученики во время перемены лазают по церкви

и безобразничают. Они провалили пол, и часть государственного зерна туда провалилась, из-за чего произошла недостача. И пришлось «выламывать полы по всей церкви, откуда оказалось зерна под полом около 50 центнеров»²⁹.

Еще один пример, характеризующий уловки и поведение местных «кадров». От коллектива верующих Никольской церкви с. Курган Ртищевского района Балашовского округа во ВЦИК 10 октября 1929 г. поступила жалоба на то, что на общем собрании решался вопрос о закрытии церкви. Но верующих заранее не предупредили, и на собрание пришло мало людей, в основном «безбожники», которые и проголосовали за закрытие церкви. На другой день некий Прутков из райисполкома позвал к себе председателя церковного совета и потребовал ключи от церкви и расходные книги. Председателя под давлением отдал ключи. Священника с семьей Прутков выгнал из села. Церковь, в конце концов, была закрыта крайисполкомом 10 июня 1935 г., несмотря на все попытки верующих это предотвратить³⁰.

Огромное чувство жалости вызывают к себе люди, испытавшие на себе унижения, оскорбления, моральные и физические издевательства, люди, к которым местные царьки относились просто бесчеловечно, вытирали об них ноги. «Душа верующего скорбит, болеет, а сердце обливается кровью...», – писали верующие Казанской церкви с. Макарово Тамалинского района Балашовского округа 12 апреля 1930 г. 9 ноября 1929 г. в храм пришла небольшая группа неверующих во главе с уполномоченным по заготовке хлеба и закрыла храм на замок, что нанесло «неизлечимую рану» всем верующим, но дальше было еще хуже – верующие страдали от того, как поступили с культовым имуществом церкви: иконостасы уничтожались, шли на растопку печей, раскалывались на более мелкие части, металлические предметы были изъяты и отправлены в райисполком.

Отмеченные действия грубо оскорбляли чувства верующих, те самые чувства, о необходимости уважать которые декларировалось во всех партийных документах, касающихся церкви и веры. «В короткое время из величественного храма с великолепной обстановкой получилось убожество с голыми стенами, пустующее до сего времени», – писали верующие. Уполномоченные от коллектива верующих не могли бороться с таким положением вещей, так как были подвергнуты запугиванию и арестам, а собираемые на восстановление храма средства отнимались³¹.

Кроме противоправного закрытия храмов, еще одной «формой» борьбы с религией стали издевательства над священнослужителями. Необходимо отметить, что дискриминация священников проводилась Советским государством с первого дня его существования и даже была закреплена во всех конституциях РСФСР и СССР существовавших до середины 1936 г. В число

тех, кто не может избирать и быть избранным, были включены «монахи и духовные служители церквей и религиозных культов»³². Священнослужители были ограничены в своих правах наравне с «буржуазными элементами», душевнобольными, преступниками³³.

Некоторые случаи издевательства над священниками, связанные с принудительным закрытием церквей уже описаны выше. Есть и другие примеры вопиющих бесчинств такого рода на местах. Многие священнослужители жаловались на это в Москву М. И. Калинин, который получал большое количество писем от граждан СССР с жалобами и прошениями. Нередко он сам или через свой аппарат оказывал гражданам соответствующую помощь³⁴. Одна из таких жалоб поступила из Балашовского округа Нижневолжского края. В с. Малиновка только что назначенный и приехавший служить священник Николай Лавров был в 2 ч ночи вызван председателем колхоза и ему было предложено через 2 ч покинуть приход, иначе он будет арестован и отправлен в ссылку; священника Евгения Руднянского, служившего в этом селе ранее, заставили покинуть приход в 24 ч. Еще одна жалоба из многих: у священника с. Воронцовка Саратовского округа за произведенный им колокольный звон к утренней молитве на Рождество христово отобрали все имущество, самого выгнали из сторожки, где он проживал, а также оштрафовали на 500 руб.³⁵

В 1930 г. было издано Постановление ВЦИК «О налоговом обложении настоящих и бывших служителей культа», устанавливавшее определенный порядок сдачи натурального и денежного налога священнослужителями и освобождавшее от сельхозналога всех бывших духовных лиц, снявших сан до 1 мая 1930 г. По доходам от сельского хозяйства налог на священнослужителей не должен был превышать налог крестьянина с таким же доходом больше, чем на 100 %. Также в Постановлении говорилось, что священнослужители должны привлекаться к сельхоззаготовкам по нормам, установленным для единоличных хозяйств, а священники, чьи хозяйства имели «признаки кулацких хозяйств», подвергались соответствующим «кулацким» нормам обложения налогом³⁶, однако и в этом деле произвол по-прежнему продолжался. В результате появлялись многочисленные жалобы на незаконное обложение священнослужителей. Так, например, в селении Большая Дмитриевка Лысогорского района Нижне-Волжского края священнику Антону Крутицкому и диакону Василию Ястребову предложено было уплатить «контрольную цифру ржи и шерсти», хотя они ржи не сеяли и не собирали и шерсти взять им было негде, так как овец они тоже не держали. За неуплату оба Нарсудом были приговорены к 2 годам тюрьмы и на 5 лет высылки за пределы края. Священник с. Рыбушка Саратовского окру-

га Алексей Шереметьев жаловался на то, что ему предложили в 24 ч сдать 10 пудов коровьего масла, а в случае несдачи грозили ст. 61 Уголовного кодекса. Священника Утехина из с. Блохино Балашовского округа судили за несдачу установленной нормы картофеля, которого он не сеял. От священника Аристарха Ливанова, селения Поповки Саратовского округа потребовали сдачи в течение 12 ч 5 пудов шерсти. За невыполнение его ждали арест и продажа имущества. Саратовский митрополит Серафим написал, что в Вязовском районе Аткарского округа местная власть воспрещает отпевать умерших, крестить младенцев в домах верующих, а также отказывает священникам в квартирах, угрожая хозяевам описью и отобраением имущества за то, что они держат в квартире попа³⁷.

Священников в 1930-е гг. не только притесняли, и унижали их человеческое достоинство, активно репрессировали. По Саратовскому Поволжью прокатилась волна арестов священнослужителей. 1937–1938 гг. вошли в историю как период «Большого террора», санкционированного Пленумом ЦК ВКП (б) в феврале – марте 1937 г. Именно в этот период были приговорены к расстрелу по решению «троек» многие священнослужители Саратовского Поволжья³⁸. Активность верующих в период обсуждения Конституции напугала руководителей страны. Власть всерьез стала опасаться Церкви как хорошо организованной антикоммунистической силы в стране³⁹.

Среди пострадавших за веру во время массового террора, захлестнувшего в том числе Саратовское Поволжье, оказался священник П., житель с. Рыбушки Саратовского района Саратовской области, 1869 г.р., обвиненный по п. 10, ч. 1 ст. 58 УК РСФСР. Статья 58 УК РСФСР 1922 г. в редакции 1926 г. и более поздних редакциях устанавливала ответственность за контрреволюционную деятельность. 58-10 – Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. 58-2–58-9), а равно распространение или изготовление, или хранение литературы того же содержания влекут за собой лишение свободы на срок не ниже шести месяцев. П. был зачислен в разряд кулаков, поводом для этого послужило наличие у священнослужителя 3–4 пар рабочих быков, 1 лошади, 2 коров, мелкого скота до 20 голов, а также применение священником наемной рабочей силы (1 рабочий работал у него постоянно и 5–6 – сезонно).

По советским меркам П. был крупным эксплуататором наемного труда, с учетом того, что раскулачить в коллективизацию могли и за меньшую «вину». У П. было двое детей, между которыми он разделил свое хозяйство в 1925 г., а сам служил священником сначала в с. Сосновка Та-

тищевского района, а затем с 1936 г. в с. Рыбушка, где «нелегально» крестил новорожденных детей. При обыске у священника были обнаружены: 1 риза, 1 подризник, 2 нарукавника, 1 пояс и 4 церковные книги. Поводом для ареста П. послужило обвинение в систематической активной антисоветской агитации среди верующих, которые собирались у него дома. Вину священник не признал⁴⁰. В обвинительном заключении 4 ноября 1937 г. по делу № 13452 помощник оперативного уполномоченного РО-УНКВД Широко-Карамышского района Саратовской области установил, что П. антисоветски настроен, проводил антисоветскую агитацию, доказывал, что в Верховный Совет будут выбирать своих людей, распространял провокационные слухи о крахе советской власти, о голоде и респуске колхозов. В 1930 г. принимал активное участие в «кулацком» восстании в с. Рыбушки. На этом основании помощник оперуполномоченного постановил: следственное дело направить на рассмотрение Тройки УНКВД по Саратовской области во внесудебном порядке. 14 ноября 1937 г. на заседании судебной тройки при управлении НКВД по Саратовской области было постановлено: П. расстрелять. Приговор был приведен в исполнение 16 ноября 1937 г. в 22 ч⁴¹.

Поражает, насколько оперативно решалась судьба человека в 1937–1938 гг.: дело священнослужителя П. – начато 31 октября 1937 г., а 14 ноября 1937 г. вынесен смертный приговор, который приведен в исполнение двумя днями позже. Всего на 22 листах архивного дела изложена человеческая трагедия. В деле имеется еще один лист № 24, в котором П. реабилитирован в 1989 г. Он попадал под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов»⁴².

В 1937 г. по обвинению в «контрреволюционной деятельности против существующего строя в СССР» (п. 1 ст. 58 УК РСФСР) проходил священнослужитель Д., 1875 г.р. из г. Новоузенска. Священник не признал свою вину, но во время допроса ответил утвердительно на вопрос, говорил ли он, что «советская власть посягнула на религию, разграбила храмы, невинно посослала все духовенство»⁴³. Этот ответ прозвучал почти как приговор, он подчеркнут в деле красным карандашом.

Просматривая дела по закрытию православных церквей, монастырей и молитвенных домов, а также мечетей, синагог, католических и лютеранских храмов, изучая судьбы священников всех вероисповеданий и другие документы 1920–1930-х гг., любой исследователь даст утвердительный ответ – да, советская власть посягнула на религию, разграбила храмы и репрессировала духовенство и мирян – это уже стало аксиомой.

Получается, что Д. пострадал ни за что другое, как за правду. Согласился священник и с тем, что вел беседы со своим приятелем священнослужителем о религии и разделял его мнение о том, что «христианская религия самая идеальная, и что отступать от нее не следует» и «обещал помочь, чем мог, по спасению религии»⁴⁴. От остальных обвинений Д. отказался, но и этих двух ответов хватило для обвинительного заключения помощника оперуполномоченного Новоузенского РО УГБ УНКВД по Саратовской области, который установил, что священник враждебно настроен к существующему строю, систематически проводил контрреволюционную агитацию, «похабно» высказывался в адрес Сталинской конституции: «Сталин написал Конституцию так, чтобы по ней больше закабалить людей Советского Союза». По поводу Конституции Д. высказал общее мнение, так как никто из верующих не доверял Конституции, а «церковники выступают против Конституции», – говорилось в докладной записке, составленной по материалам комиссии по вопросам культов при Президиуме ЦИК СССР за период с 1 января по 1 сентября 1936 г. О выборах в совет Д. высказался так: «Это не что иное, как ловкое простое мошенничество коммунистической партии», систематически проповедовал вероучение, говорил о скорой гибели советской власти. Виновным полностью себя не признал, но и этого было достаточно для вынесения вердикта – «виновен». В деле фигурируют две спрятанные вместе с двумя фигурантами под престолом в 1919 г. бомбы самодельного изготовления. Тогда трех виновников продержали 18 дней в тюрьме и отпустили. Через 18 лет священнику припомнили дело, совершенное, по его словам, «от страха»⁴⁵.

Тройка при управлении НКВД по Саратовской области 10 декабря 1937 г. постановила священника расстрелять, обвинив в распространении клеветы о Конституции и руководителях советской власти, дискредитации и ополчении выборов в Верховный Совет, активной агитации против советской власти. Священника расстреляли 15 декабря 1937 г. в 22 ч⁴⁶. Дело, изложенное на 16 листах и длившееся чуть больше месяца, определило судьбу еще одного из тысяч, невинно пострадавших от советской власти за веру.

В 1961 г. сын священника, живший все эти годы в полном неведении о судьбе своего отца, написал заявление прокурору Саратовской области, в котором сообщил, что прошло более 23 лет после ареста отца, и «от него нет никаких известий». В ходе последующего разбирательства выяснилось, что священник был осужден по доносу трех человек. Одна из доносиц в 1961 г. отказалась от своих слов, заявив, что со священником совсем не была знакома и не свидетельствовала против него. Остальные свидетельства были неконкретны и ничем не подтверждены. 9 октября 1961 г. Президиум Саратовского об-

ластного суда постановил: «Постановление тройки при УНКВД по Саратовской области от 10 декабря 1937 г. отменить»⁴⁷.

Третий фигурант исследования – священник А., 1879 г.р., служивший в с. Пристанное, при обыске у которого нашли «12 адресов разных лиц» и 2 сборника законов об отделении церкви от государства. А. обвиняли в проведении контрреволюционной агитации в течение 1935–1937 гг., в чем священник не признал себя виновным. Обвинение было построено на доносе, в котором доносчик приводил слова, якобы сказанные А. в апреле 1937 г., о том, что «эта власть не Богом послана, а нечистой силой, и поэтому советская власть производит гонение на крестьян и верующих в бога. Масса крестьян советской власти сослана, <.>, вот поэтому православная церковь и не молится за эту власть, а, наоборот, ведет борьбу с коммунистами». В июне 1937 г. священник говорил, что коммунисты – это антихристы, которые будут иметь татуированную печать на лбу, что наступит «Красный террор», когда будут убивать тех, кто не коммунист⁴⁸.

Обвинение строилось на основании показаний двух свидетелей, однако виновным А. себя не признал, тем не менее 23 октября 1937 г. был приговорен тройкой к расстрелу, который был приведен в исполнение 29 октября того же года в 22 часа. В 1957 г. сестра священника написала жалобу на имя прокурора Саратовской области о том, что ее брат честный, порядочный, ни в чем не виноватый человек. В качестве мотива к написанию письма женщина, кроме уверенности в невиновности родственника, указала отрицательное влияние ареста на нее и всю семью.

После разбирательства по делу священник А. был реабилитирован посмертно. Один из свидетелей обвинения показал на суде через 20 лет, что показаний против священника не давал, высказываний против советской власти из уст священника никогда не слышал, никогда не встречался с ним даже вне стен храма, а подпись его как обвинителя, вероятно, подделана. Постановлением президиума Саратовского областного суда 22 декабря 1958 г. со священника сняты все обвинения, и постановление тройки УНКВД по Саратовской области отменено. Ранее все лица, имевшие отношение к сфабрикованному делу, были наказаны по закону⁴⁹.

Приведенных дел достаточно для того, чтобы восстановить картину страшных лет «Большого террора». По всем трем священникам при пересмотре дел по прошествии большого периода времени была установлена их сфабрикованность: так, показания обвинения были подложными, очных ставок не проводилось, арест был незаконным и др. Именно поэтому священники были оправданы – оправданы с точки зрения закона.

Естественно, расстреливали и отправляли в тюрьмы и лагеря людей не за веру в Бога. Официально верующие обвинялись в антисоветской

агитации либо участия в контрреволюционных группировках, распространении провокационных слухов, сборе средств в пользу церкви, распространении религиозных обрядов и т. п.

Подготовка и принятие новой Конституции СССР (1936 г.) ознаменовали собой наступление очередного этапа антирелигиозной кампании. Конституция СССР своим содержанием породила у советских людей, и в частности у верующих, надежду на возвращение справедливости в государственно-общественных отношениях и стала своеобразным толчком к активизации их религиозных чувств. Началось движение за открытие церквей, их ремонт и реставрацию. Так, в 1936 г. один из инструкторов Союза воинствующих безбожников в своем отчете сообщал, что, кроме усилившегося религиозного движения, активизировалось движение за открытие церквей, которые стоят годами не приспособленные под культурные учреждения⁵⁰. В 1936 г., по сообщению Постоянной комиссии при ЦИК, закрытых, не переоборудованных, не использовавшихся ни под какие цели церквей в Саратовском крае было 80⁵¹.

Требования исходили от церковных советов, которые существовали при бездействующих молитвенных зданиях. Повсюду проходил сбор средств на реставрацию храмов. Например, по данным 1937 г., на ремонт Духосошестввенской церкви Саратова верующими было собрано 207 тыс. руб., Казанской церкви – 49 тыс. руб., синагоги – 16 тыс. руб. Всего, по данным Областного Союза воинствующих безбожников, в 1937–1938 гг. в Саратове и области на ремонт и оборудование церквей было затрачено верующими 250 тыс. руб.⁵²

По свидетельству Комиссии по вопросам культа с опубликованием проекта Конституции 1936 г., а затем и ее принятием увеличилось количество жалоб во ВЦИК и количество ходок. По одному и тому же делу приходило по 2–5 чел., характер жалоб изменился, верующие стали ссылаться на ст. 124 и 125 Конституции. Повседневными стали ходатайства верующих об открытии церквей, закрытых 2, 3 и 5 лет назад. Тому способствовало большое количество закрытых, но не используемых ни под какие нужды церквей⁵³.

На «сталинскую» Конституцию 1936 г. верующие на первых порах возлагали большие надежды. Раскрывая в своих письмах противоправные действия местных властей, они надеялись, что новая Конституция возьмет их под защиту. Так, в 1937 г. в Саратовский крайисполком поступило заявление от церковного совета жителей с. Раевка Ивантеевского района, в котором верующие писали: «Как неизвестно высшим органам советской власти, а также и Советскому контролю, что в годы революции и гражданской войны, вопреки Советской Конституции, было сильное гонение и притеснение, как на церковь, так и на ее служителей со стороны местных властей, как-то сельсоветов и райисполкомов, а

иногда и крайисполкома, благодаря чему и мы вынужденно лишились христианских обрядов и церковных служб, но, несмотря на это... мы отстаивали свою церковь неприкосновенной... согласно новой советской Конституции, дающей полную свободу верования и исполнения, как церковной службы, так и ее обрядов»⁵⁴.

Комиссия по вопросам культов при ЦИК в докладной записке за 1936 г. также констатировала, что в ряде писем «церковников», поступающих в их адрес, указывается, что о свободе отправления религиозных культов было записано и в старой Конституции, но это не выполнялось, права принадлежали фиктивно на бумаге, а «на деле было формальное и открытое издевательство, глумление и преследование...», выражалась надежда, что их права по новой Конституции будут соблюдаться⁵⁵.

Однако были и те, кто понимал, что новая Конституция – это очередной фарс. Бывший архимандрит Киево-Печерского монастыря П. Ине-нов написал в Постоянную комиссию по делам культов, что «никто из верующих... абсолютно не доверяет не только 124-й, а и всей в целом Конституции», и комиссия резюмировала, что «таким образом, указывая на ряд фактов административных перегибов на местах, церковники выступают против Конституции»⁵⁶. Как бы иллюстрируя этот свой вывод, та же комиссия констатировала большое количество грубых нарушений советского законодательства о религиозных культах на местах и продолжение их роста. Росло и количество жалоб. За первые 8 месяцев 1936 г. из Саратовского края их поступило в комиссию 119 (в том числе из АССР НП – 8)⁵⁷.

Возрождение религиозных чувств никак не вписывалось в планы организаторов строительства социализма в СССР. В условиях «победившего социализма» церкви и религии места не могло быть. Поэтому был нанесен очередной удар по организаторам попытки церковного ренессанса: еще не репрессированным священнослужителям и церковным активистам. На этот раз главными жертвами нового удара стали Русская православная церковь, другие православные деноминации, ислам, иудаизм. Уничтожались также и остатки ранее снесенных и разгромленных церквей (лютеранской, католической и др.).

В одной из докладных записок Союза воинствующих безбожников о проверке районов (Аркадакского, Ртищевского, Бековского, Тамалинского) говорится о том, что «церковники спекулируют 136-м пунктом Конституции, распространяя слухи, что церкви все откроют, а сосланные попы вернуться в свои церкви»⁵⁸.

Многие исследователи отмечают, что самая большая волна антицерковных репрессий пришла на 1936–1938 гг. с максимальным подъемом в 1937 г. В эту волну репрессий попали и священнослужители, о которых упоминалось выше. Интересно, что в это же время парал-

лельно проводились аресты и расстрелы многих «старых большевиков». Они, как и церковь, своими взглядами не вписывались в сталинский социализм⁵⁹.

Как свидетельствует фактический материал, к 1941 г. многоконфессиональное Саратовское Поволжье осталось совсем без храмов и других культовых сооружений, десятки и сотни священнослужителей и активных верующих были расстреляны или сосланы в лагеря. В силу значительного численного превосходства своих приверженцев наибольший материальный и человеческий урон понесла Русская православная церковь.

Однако к 1941 г. планомерная антирелигиозная кампания не смогла до конца уничтожить старую религиозную жизнь в Саратовском Поволжье, которая сильно видоизменившись и трансформировавшись, продолжала существовать латентно, «осколочно».

Примечания

- 1 См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-5263. Комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК. Оп.2. Д. 7. Л. 1–2.
- 2 См.: О религиозных объединениях : Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. URL: // https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_ru&dokument=0007_rel&object=translation&l=ru (дата обращения: 18.08.2019).
- 3 См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 55. Оп. 1. Д. 113. Л. 93.
- 4 См.: Справочная книга Саратовской епархии. Саратов, 1912.
- 5 См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 1а. Л. 143, 144.
- 6 См.: ГАНИСО. Ф. 6160. Оп. 1. Д. 42. Л. 38.
- 7 См.: ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 1а. Л. 89.
- 8 Там же. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 1а. Л. 104.
- 9 См.: ГАРФ. Р-5263. Оп. 1. Д. 32. Л. 20.
- 10 См.: ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 206. Л. 45.
- 11 См.: ГАРФ. Р-5263. Оп. 1. Д. 249. Л. 4, 6, 7, 14.
- 12 Там же. Д. 32. Л. 21.
- 13 Там же. Д. 14. Л. 78–80.
- 14 Мишин Г. А. Были города Покровска : краеведческие очерки. Саратов : Приволжское книжное изд-во, 2001. С. 119.
- 15 Там же. С. 131.
- 16 Там же. С. 132.
- 17 См.: ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 1а. Л. 106.
- 18 Там же. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 155а. Л. 153–156 об.
- 19 Там же. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 1а. Л. 133.
- 20 Государственный исторический архив немцев Поволжья (далее – ГИАИП). Ф. Р-849. Оп. 1 о/д. Д. 747. Л. 19, 16 об.
- 21 Там же. Л. 16 об.
- 22 См.: ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 1а. Л. 99–101.

- ²³ См.: Уберите железный лом // Поволжская правда. 1929. 8 мая. № 100. С. 3.
- ²⁴ См.: Колокол – на лом // Поволжская правда. 1929. 22 мая. № 112. С. 3.
- ²⁵ См.: ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 346. Л. 69.
- ²⁶ Там же. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 214. Л. 294–294 об.
- ²⁷ Там же. Л. 294 об.
- ²⁸ Там же. Л. 275.
- ²⁹ ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 248. Л. 2, 2 об.
- ³⁰ См.: ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 155 а. Л. 275, 319.
- ³¹ Там же. Д. 212. Л. 12–12 об.
- ³² Конституция СССР. М., 1924. URL://http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1924/ (дата обращения: 30.05.2019 г.).
- ³³ Там же.
- ³⁴ См., например: *Успенский В. Д.* Первый президент : Повесть о Михаиле Калининe. М. : Политиздат, 1975.
- ³⁵ См.: ГАРФ. Р-5263. Оп. 1. Д. 32. Л. 15, 71; Д. 7. Л. 72.
- ³⁶ См.: *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX веке. М. : Республика, 1995. С. 162.
- ³⁷ См.: ГАРФ. Р-5263. Оп. 1. Д. 7. Л. 72.
- ³⁸ См.: Гонения на Русскую Православную Церковь в Саратовском крае. Саратов : Изд-во Саратовской Митрополии, 2012.
- ³⁹ См.: Губкин Олег. Русская Православная Церковь под игом богоборческой власти в период с 1917 по 1941 годы. URL://http://sir35.narod.ru/Orthodoxy/Ch_606.htm (дата обращения: 17.05.2019).
- ⁴⁰ См.: Архив УФСБ по Саратовской области (далее – АУФСБ СО). Ф. ОФ 28147. Д. 13452. Л. 14, 16, 18–19 об.
- ⁴¹ Там же. Л. 20–22.
- ⁴² Там же. Л. 24.
- ⁴³ Там же. Ф. ОФ 18763. Д. 15373. Л. 5.
- ⁴⁴ Там же. Л. 5 об.
- ⁴⁵ Там же. Л. 4–9, 14.
- ⁴⁶ Там же. Л. 15, 16.
- ⁴⁷ Там же. Л. 18, 29, 31 об.
- ⁴⁸ Там же. Ф. ОФ 16450. Д. 11009. Л. 1, 8, 10.
- ⁴⁹ Там же. Л. 14, 15, 16, 17–17 об., 23, 25.
- ⁵⁰ См.: ГАНИСО. Ф. 6160. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.
- ⁵¹ См.: ГАРФ. Р-5263. Оп. 1. Д. 32. Л. 45.
- ⁵² См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1131. Л. 6–9 ; Ф. 6160. Оп. 1. Д. 42. Л. 34.
- ⁵³ См.: ГАРФ. Р-5263. Оп. 1. Д. 32. Л. 7.
- ⁵⁴ ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 143. Л. 145.
- ⁵⁵ См.: ГАРФ. Р-5263. Оп. 1. Д. 32. Л. 9.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ См.: Там же. Л. 15, 17
- ⁵⁸ ГАНИСО. Ф. 6160. Оп. 1. Д. 6. Л. 8.
- ⁵⁹ См., например: *Одинцов М. И.* Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М. : РОССПЭН, 2014.

Образец для цитирования:

Яковлева Ж. В. Антирелигиозная кампания в Саратовском Поволжье: на примере борьбы с православием (конец 1920 – начало 1940-х годов) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 119–127. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-119-127>

Cite this article as:

Yakovleva Zh. V. Anti-religious Campaign in the Saratov Volga Region: on the Example of the Fight Against Orthodoxy (the End of the 1920s – the Beginning of the 1940s). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 119–127 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-119-127>